

АНХЕЛЬ БЛЭК

Сонерия

ДУША ЧЕЛОВЕКА

18+

Том 1

Анхель Блэк
Сонерия. Душа человека. Том 1
Серия «Сонерия», книга 1
Серия «Темные миры Анхель Блэк»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74489601
Анхель Блэк. Сонерия. Душа человека. Том 1: АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-188282-2

Аннотация

Прекрасную, полную надежд жизнь на острове Сонерия в один миг рушит государственный переворот. Чтобы подмять власть под себя, мятежники воспользовались силой потусторонних монстров – Аспидов, с которыми заключили контракт. В обмен на души они получили поддержку темного божества, Великой Матери, чтобы исполнить задуманное.

Юный Перри Уайтстар за один вечер теряет семью и дом. Только жажда мести за родных дала силы двигаться вперед. Именно так он оказывается на стороне повстанцев, которые хотят не просто выжить, но и вернуть старые порядки.

Чтобы приблизиться к цели, Перри вынужден заключить собственный контракт с Аспидом. Сделка обещает защиту, силу и свершение мести, но взамен требует отдать собственную душу.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анхель Блэк

Сонерия. Душа человека. Том 1

© Блэк А., 2026

© Саю (Sayuuhiro), иллюстрация на переплете, 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Пролог

Желто-зеленые всполохи прорезали черноту, освещая равнину, оставшуюся на месте разрушенной Центральной площади. Торчавшие тут и там глыбы серого фундамента напоминали клыки гигантского чудовища, заживо погребенного под каменными обломками.

Темные облака, больше походившие на неряшливые сгустки дыма, дрожали, словно в напряжении, земля под ногами ходила волнами, с треском раскалывая фигурную плитку.

Риддерк с замиранием сердца проследил за тем, как высокая Башня Советов покачнулась и бесшумно исчезла в черно-молочной взвеси тумана. Все вокруг выло на одной ноте,

оглушало раскатами грома и заставляло трястись так, словно он был еще мальчишкой, встретившимся после комендантского часа с Уной¹. Тогда, глядя на истекающие ядовитой слюной огромные челюсти, он думал, что нет ничего страшнее.

Оказалось, что ошибался.

Наблюдать за тем, как его мир пожирает сам себя, было страшнее в несколько раз. Настолько, что тело просто цепенело. Нужно было бежать и прятаться, но каждый шаг давался с такой тяжестью, словно он карабкался по гладкой стене. Многие Аспиды² не смогли справиться со страхом и стали кормом для своей Богини.

– Великая Мать, тут сейчас все исчезнет! Бегите! – Крик Аспида сотряс погрязшее в гуле разрушений пространство, и Риддерк вздрогнул.

Мельком оглядевшись, он побежал в сторону метнувшихся теней, перескакивая через руины и вывернутый фундамент разрушенных зданий. В свете салатовых молний осколки пустых амулетов-сердец блестели, как простые стекляшки. Притормозив на миг, чтобы найти более безопасный путь, Риддерк увидел сжимающие потухший кристалл грязные пальцы, зажатые между каменными плитами.

Молочно-серая дымка со всполохами золота бесшумно ползла следом, буквально пожирая пространство. Уцелев-

¹ См. Компендиум, раздел «Аспиды». – *Здесь и далее примеч. авт.*

² См. Компендиум, раздел «Аспиды».

шие остовы столбов с разбитыми плафонами ломались, словно тонкие ветки, изъеденные яростью Матери. Дома и здания исчезали одно за другим, выдыхая густым серым дымом на прощание. Невесомый туман молчаливо бороздил некогда сверкающий брусчаткой тротуар, поглощая камень за камнем, подбирая тела сломленных и пожирая все, что некогда было свидетельством существования Аспидов. Она хотела уничтожить все, каждую живую тварь в этом мире, в **своем** мире, и не скупилась на силу. Оставшиеся Аспиды торопливо прятались в еще уцелевших домах, в нишах между треснувшими плитами ступеней, но Она вытаскивала их, словно забившихся в щели крыс, чтобы наказать за неповиновение.

Великая Мать разъяренно выла, ненасытно сжирая свой собственный мир.

И горе тем, кто не успел найти надежного укрытия.

Глава 1

A dato³

– Сколько душ готовы заплатить?

– Т... Три сотни!

Лица людей по ту сторону исходящей темными всполохами завесы напоминали серебряные монеты, рассыпанные по темной парче. Риддерк брезгливо поморщился, продолжая стоять за возглавляющим их группу Аспидом-Контрактником в идеально отглаженном и сидящем по фигуре черном костюме-тройке. Таком же, в какой был облачен сам Рид и

³ Со дня подписи (*лат.*).

все остальные Аспиды обоих полов, стоящие позади с гордо расправленными плечами и прямыми спинами.

Контрактник распахнул большую, по виду абсолютно пустую, папку, изящно взмахнул ладонью, и в его пальцах появилось черное перо. Рид из любопытства стрельнул взглядом в содержимое папки, но там, как и всегда, была лишь густая тьма, в которой глубоко на дне мелькали осьминожки щупальца.

– Принято, – сказал Контрактник, ставя витиеватую роспись серебром поверх черного моря в папке, а затем шагнул вперед.

Все остальные синхронно шагнули следом, покидая мрачные чертоги собственного мира и ступая на очередную землю, которую им предстояло изменить.

Рид подумал, что соглашаться на три сотни было странно, но понимал, что Контрактник намеренно умолчал о том, что все протестующие, убитые во время операции, также будут поглощены ими.

Этого будет достаточно для Ее ненасытности.

Сонерия – остров в форме полумесяца с пышными шапками лесов, высоким горным хребтом на востоке и множеством городов-портов на западном берегу залива. Шум волн Бурого океана и просоленный воздух напоминал Риду о до-

ме, если бы не одно большое, существенное отличие – в этом мире ярко светило солнце днем, а звезды и луна ночью.

Мир Аспидов существовал на нескольких плоских островах, запертых посреди крошечной тьмы среди черных волн бесконечного океана и соединенных между собой железными подвесными дорогами, по которым грохотали колесами трамваи. Там не было солнца, смены дня и ночи, а все освещение составлял огромный Диод, который поднимался и опускался, когда ему вздумается, и искусственный свет в фонарях и лампах, подпитываемых темной энергией самих Аспидов. В центре находился Улей, где в сотнях ячеек под названием Соты Матерь создавала и выращивала новых Аспидов, которые становились идеальными работниками, кормящими ее душами из других миров.

Риддерк коснулся пальцами нарисованных полосатых насекомых на круглом боку фарфорового чайника. Их черно-оранжевые тельца казались выпуклыми от плотного слоя краски и лака.

«Пчелы. В этом мире насекомые называются так же. Как похоже на нас».

Несмотря на осеннюю промозглость, Рид расположился за столиком на одном из балкончиков особняка будущего лжеморвина⁴. Отсюда открывался прекрасный вид на спокойный океан, ровную линию горизонта и шумный пирс внизу с его

⁴ Морвин – фамилия императорской династии. Подробнее см. Компендиум в разделе «Династия Морвин».

торговыми палатками, ящиками и пришвартованными кораблями. Среди тонких облаков пробивались багряные солнечные лучи, окрашивая водную гладь в кровавые оттенки. Их отблески ложились на бледную кирпичную кладку стен особняка и отражались в витражах вытянутых окон.

Риддерк подпер рукой щеку, лениво помешивая чай в чашке, и раздраженно вздохнул. Прошло уже около двух недель (как быстро он умел подстраиваться под течение времени каждого мира) с тех пор, как они прибыли в Теолу, столицу Сонерии, и погрязли в подготовке дворцового переворота.

За определенную плату они обязаны осуществить волю просившего, расписавшегося в папке Контрактника-Аспида, отвечающего за сделки и ведущего отчетность перед Матерью. Исполнив человеческую просьбу, они получали вознаграждение, которое полностью шло, чтобы насытить вечно голодную Мать, после чего отправлялись в следующий мир вновь добывать пропитание.

Для одних Аспиды представлялись воплощением самых страшных демонов, для других – милосердными божествами, помогающими навести порядок и исполнить заветные желания. Однако самим Аспидам было безразлично, кем их считали. Не имело значения, на чьей стороне они выступали, контракт всегда стоял превыше всего. Они могли являться как в образе благородных защитников, так и в роли захватчиков, и при этом никогда не вмешивались в человеческие де-

ла по собственной воле. Они были лишь инструментом Матери, предназначенным для сбора все большего числа душ.

– Господин. Ваш чай остыл, – раздался позади тихий женский голос.

– Не припомню, чтобы я тебя звал, Люсия, – раздраженно отозвался Риддерк, продолжая смотреть на затухающее небо.

Он почувствовал за спиной скованность девушки, но она быстро собралась и продолжила:

– Да, господин. Но Виланд пришел. Хочет поговорить с вами.

– Веди. И оставь нас одних.

– Слушаюсь.

Люсия умела двигаться настолько бесшумно, что иногда даже Рид не сразу слышал ее шаги. Он не заметил, как она ушла, будто Люсия просто исчезла или рассеялась, как прозрачная дымка утреннего тумана, клубившегося над океаном.

– Ну у тебя и горничная, Рид. Она совершенно не хотела меня впускать. – Голос Виланда нарушил приятную тишину.

У Риддерка едва заметно дернулась бровь.

– Я велел никому меня не беспокоить. Она исполнительная. Чего ты хотел?

– Поговорить. Нечасто можно застать тебя одного. – Виланд отодвинул второй стул, стараясь не скрипеть ножками по мраморному полу, и уселся рядом.

Он был братом Риддерка, но не кровным, как это принято считать у людей.

Они с Ридом появились из одной ячейки через рекордно малое количество времени. Обычно после создания Аспида ячейка долгие годы пустует и накапливает силы, но в этот раз вышло иначе, и Рид, как и все остальные, посчитал это знаком.

– Хочу поскорее сделать работу и свалить, – ответил Рид.

– Тебе здесь не нравится? – Виланд шлепнул на стол пухлую кожаную папку.

Он деловито потянулся к чайнику и пустой чашке, не спрашивая у брата разрешения.

– Нравится. Здесь хорошо, в отличие от последних миров. Почти как дома.

– Дома... даже не знаю, считать ли это плюсом. – Виланд криво усмехнулся.

На нем был привычный красный шарф, исписанный множеством символов разных миров, который выделял его среди остальных Аспидов, облаченных в одинаковые классические костюмы. Его светлые волосы растрепало ветром, а в мочке смуглого уха блестела серьга из аметиста.

– Что это? – Рид кивнул на лежащую на столе папку.

– Открой и посмотри. План действий на ближайшее время, – загадочно улыбнулся Виланд. Его глаза ярко светились янтарем.

Рид помедлил, но все же взял ее в руки и распахнул, про-

бегая глазами по исписанным листам. Снова наступила тишина, сквозь которую доносились лишь бой колоколов храма Творца и шум волн. Внизу что-то крикнули, свет на кораблях погас, погружая деревянный пирс во мрак. На небе еще оставались розоватые полосы после закатившегося за горизонт солнца, напоминающие размытые кровавые пятна.

Рид не обращал внимания на окружающую их ночь, поскольку прекрасно видел в темноте, но сейчас он пожалел о том, что способен читать. Он медленно вдохнул и выдохнул, закрывая папку и откладывая ее на стол с таким видом, будто ему подсунули самое неграмотное бульварное чтиво.

– Что. Это.

– Я же сказал. План действий на ближайшее время. – Виланд поставил на блюде чашку и промокнул губы белоснежным платком.

– Ты сошел с ума?

– Нет.

– Виланд. *Это* настоящее безумие. Ничего не выйдет. Сожги это и развей по ветру. – Рид брезгливо отодвинул на край стола папку, и Виланд тут же трепетно перехватил ее, уберегая от падения.

Риду захотелось приложить брата головой об стол за это щенячье выражение лица.

– Да ладно тебе, Рид! Ты ведь даже не прочитал толком!

– Я не хочу ни читать, ни углубляться в *это*. И тебе советую.

– Нельзя отказываться, не узнав все. Подумай еще раз. – Виланд помахал перед ним папкой, и Рид отмахнулся от него, как от надоедливой мухи.

– Скрой с моих глаз эту дрянь.

Брат еле заметно усмехнулся. Снова поднялся ветер, продолжая трепать его челку и шарф, пока он убирал папку в сумку, лежавшую на коленях все это время.

– Кто тебя этому надоумил? Наш глава? Советники? – не сдержался Рид.

– Ты не веришь, что это мог придумать я сам? – ележно улыбнулся Виланд.

– Никогда не замечал у тебя пристрастия к самопожертвованию.

– Это не...

– Ты хоть сам читал то, что написал? Ты собираешься пойти против Матери! – Рид перешел на шепот, склонившись над столом.

Все еще не покидало желание схватить брата за волосы и как следует протрясти или ударить, чтобы он пришел в себя.

– Это не может длиться вечно, – упрямо выпятил подбородок Виланд. – Мы не можем вечно так жить и собирать души.

– Вил... – голос Рида напоминал рокочущее море.

– Я знаю, что это рискованно. Но я так больше не могу.

– А ты попытайся! Иначе я самолично выбью эту дурь из твоей башки! Это опасно. Это неприемлемо. Мы здесь для

работы, а не устраивать внезапную революцию против Матери! Мой тебе совет: выбрось эту дурь из головы.

Виланд нервно теребил ремень сумки, смуглые костяшки пальцев стали совсем бледными.

– Еще никто не выживал после такого, – тихо добавил Рид.

– Значит, я буду первым, – упрямо процедил Виланд.

– Вил, подумай еще раз.

– Да чего тут думать, Рид? – Виланд внезапно стал холодным и отстраненным, словно приглушил свои эмоции, как пламя фонаря. – Неужели я такой один? Я больше чем уверен, что у меня найдутся единомышленники. Куча единомышленников. Говоря начистоту, без вранья – неужели ты сам никогда не думал об этом? Не мечтал стать свободным и жить в свое удовольствие?

Рид нахмурился еще сильнее, черная энергия угрожающе за клубилась вокруг крепких плеч. Виланд попал в точку. Конечно же, он об этом думал. Кто из Аспидов об этом не мечтал хоть однажды? Это все равно что хранить в шкафу скелеты и грязное белье. Это есть у всех, но вслух об этом не говорят.

Да только одно дело – просто мечтать, а другое – воплощать в реальность.

– Значит, задумывался, – с удовлетворением заключил Виланд.

– Это всего лишь мысли. Слабости присущи всем. Но во Вселенной есть то, что писано самим Мирозданием, и это

никак не исправишь. Свободы не существует, Виланд.

– Конечно! Однако рано или поздно все пытаются отхватить здоровенный кусок от нее. Люди свободны. Им-то не нужно бегать перед сроками и собирать эти поганые проценты душ.

– Люди так же свободны, как мы.

– Да ладно?

– У них есть государство. Оно требует с них так же, как наша Мать. Те же проценты, только называются налогами. А еще они привязаны к семьям, к дому, к месту работы, к зависимости от обстоятельств вокруг. Это делает их такими же несвободными, как мы. Абсолютной свободы не существует, Вил.

– Не переиначивай. Ты понял, о чем я. Не думаю, что их убивают при отказе от уплаты и не дают отсрочку.

– А как же тюрьма или коллекторы? – насмешливо вскинул брови Рид.

– Это другое! – Вил вскочил с места, сжав кулаки. Вокруг него так же клубилась черная энергия.

– Это то же самое. Еще раз повторю, это безумие. Мать убьет и тебя, и всех твоих единомышленников.

«Как она уже сделала однажды», – едва не сорвалось следом, но Рид успел вовремя прикусить язык.

– Я хочу рискнуть и попробовать. Глава сказал...

– Так, значит, ты не сам до этого додумался? – Риду с трудом удавалось держать голос ровным.

– Успокойся, братец. Я справлюсь. Присоединяйся, и вместе станем свободными! – Виланд впервые за все это время посмотрел на него прямо.

В его янтарных глазах плескался огонек надежды, но что-то в лице Рида заставило его начать тлеть, даже толком не разгоревшись.

– Это массовое самоубийство, – тихо проговорил Рид, заставляя брата разочарованно прикусить губу и опустить голову. – Прекращай это сейчас же. Иначе отправлю к Куратору, а Главе башку оторву.

– Если ты оторвешь ему голову, наш план провалится, – грустно улыбнулся Виланд.

– Мне плевать. Повторю, мы сюда пришли работать по контракту, а не устраивать революции. Если он не прекратит тебя подначивать, я его убью. И тебя прихлопну заодно.

– Я понял, – торопливо выпалил Вил, не поднимая глаз от собственных начищенных ботинок. – Забудем этот разговор. Пошли в дом. Становится прохладно, я ненавижу холод.

Рид медленно расслабил напряженные плечи. Он не поверил брату, но дальше этот разговор развивать не стал. Можно бесконечно спорить, но итог останется тем же. Они вдвоем те еще упрямые бараны, поэтому лучшая тактика с Виландом – сначала отступить, а потом медленно начать заново, подтачивая его уверенность.

Однако, к изумлению Рида, спустя несколько дней после разговора Виланд просто исчез, оставив на своей идеально

заправленной постели короткую записку, дающую понять,
что от безумной затеи он не отказался.

«Мать посмотрит на нас по-другому. Вил».

– Дерьмо собачье.

Глава 2

Amor familiae vincit omnia⁵

Осень в этом году сдала свои позиции раньше срока, уступив место немилосердной зиме, обрушившей на Теолу суровые морозы. Из тяжелых туч день за днем валил снег, оседая на крышах домов серыми шапками, засыпая дороги и тротуары так, что к расчистке подключили даже городскую стражу.

В былые времена подобное, вероятно, стало бы поводом для радости, особенно для детворы, которая с упоением

⁵ Любовь к семье побеждает все (*лат.*).

устроила бы снежные баталии. Я иногда наблюдал за такими сценами из окна своей комнаты.

Но в этом году улицы молчали. Казалось, снег укрыл город саваном, погребая прежнюю жизнь и устоявшиеся порядки, а тусклое серое небо нависло над Теолой, словно мутный стеклянный колпак.

Сидя за любимым письменным столом, я с тоской смотрел в окно на кружащиеся снежинки, и мысли вились в голове таким же бесконечным хороводом. Любой проезжающий по улице экипаж заставлял вздрагивать, а голоса стражи приковывали к стулу, принуждая вслушиваться в каждое слово и бояться, что они идут за нами, за моей семьей.

Вчера отец заставил сжечь все, что могло привести к нашей смерти: рукописи, дневники, книги, тетради с лекциями из Теольского университета науки и Гармонии и даже рисунки моих сестер. Мы жгли их, пока в камине не осталась лишь черная зола, которую отец разметал кочергой и сверху положил поленья.

До сих пор перед глазами стояло его бледное и сосредоточенное лицо. За неделю он, пятидесятилетний Рэндал Уайтстар, постарел лет на десять, но старался держаться и придавать уверенности всем нам. Мать поджимала губы, обнимая моих плачущих сестер. Все боялись, что именно в тот момент в квартиру ворвутся стражи и Каратели, и тогда наша участь была бы решена.

Страх поселился в нашем доме, стал непрошеным гостем

и завоевателем. Мы дышали им, ели его на завтрак, обед и ужин. Ужас заставлял нас ждать в немом оцепенении, словно зайцев, загнанных в угол гончими.

Громкий стук в дверь бесцеремонно выдернул меня из размышлений. Я обернулся и увидел на входе в комнату младшую сестру. Мне все еще было непривычно от того, как обычно густые, золотистые кудри она теперь собирала в тугой пучок, а всегда искристые и живые зеленые глаза погасли и выцвели от ежедневных слез.

– Габи, что стряслось? – обеспокоенно спросил я.

– Тебя мама зовет.

Я изо всех сил постарался скрыть облегченный выдох, чтобы еще больше не напугать сестру.

– Сейчас приду. – Мне хотелось сказать ей что-то ободряющее, но я промолчал, о чем до сих пор горько сожалею.

Габриэлла кивнула в ответ и исчезла неслышной тенью прежней себя. Раньше она всегда носила яркие платья с рюшами и оборками, меняла каждый день прически и вплетала в волосы изящные украшения. Отец называл Габриэлла звездочкой за мелодичный смех и задорный нрав, но сейчас она вся потускнела и запаковалась в темное платье, застегнутое под самое горло. Мне было больно смотреть на сестру, но едва ли я мог как-то облегчить ее переживания.

Я не стал больше медлить, поднялся из-за стола, окинул взглядом бумаги и книги. Сложив все в одну стопку, спрятал в выдвижной ящик и, оставшись довольный видом пустой

столешицы, направился в комнату матери.

Собственные шаги будто эхом отдавались от стен. Их звук казался таким громким, словно на мне были не домашние туфли, а сапоги, подбитые железными набойками. К слову, последние вышли из моды, стоило им появиться на прилавках обувных магазинов. Теперь многие и вовсе старались быть как можно менее заметными.

Мать, как я и предполагал, находилась в своей комнате. Маргарет Уайтстар стояла у окна и тоже смотрела на снег. Ее плечи, укрытые теплым зеленым платком, были опущены. Простое платье без вышивок и украшений не скрывало, как сильно она похудела. Несмотря на то что мать стояла ко мне спиной, я чувствовал, как бесконечно она устала.

Чтобы не испугать ее, я осторожно постучал по дверному косяку – новые привычки в этой ужасной реальности. Она обернулась и улыбнулась своей теплой, родной улыбкой, которую я до сих пор вижу каждый раз, закрывая глаза.

– Что-то случилось? – Я не смог скрыть своего волнения. – Отец еще не вернулся?

Мать прошла к кровати и села. Создавалось впечатление, что она старуха, а не женщина, которой нет еще и сорока пяти.

– Эбби сегодня не пришла.

Я моргнул, на секунду замешкавшись.

Эбигейл – наша служанка, которая помогала по дому и оставалась с нами до сих пор, несмотря на то, что остальные

сбежали в первые дни после переворота.

– Думаешь, у нее появился шанс уехать?

– Надеюсь, – тихо ответила мать. – Я ее не виню. Зачем ей рисковать? У нее маленький сын, а мы, по сути, никто. Да и вряд ли я бы заплатила ей за следующий месяц. – Она чуть помолчала, а затем добавила: – Если он вообще наступит.

На мгновение поступок Эбигейл вызвал у меня ярость. Даже слуги, как крысы, бежали с тонущего корабля. От нас, как и от многих других, отворачивались друзья и родственники. Чурались, словно чумных, пока не было ясно, какой приговор нам вынесет новая власть.

– Отец еще не вернулся, – продолжила мать. – Девочек я послать не могу, сам понимаешь, но продукты кончились, и я... – Ее голос надломился, дрогнул, а я почувствовал, как горло сдавили стальные тиски жалости к матери и ненависти к тем, кто сделал нашу жизнь такой.

– Конечно, я схожу, мам.

Хотя обычно у нас в семье не принято показывать свои чувства, нежничать и выходить за рамки, но сейчас я просто не мог стоять и смотреть. Поэтому подошел, сел перед ней на корточки и взял холодные хрупкие ладони, искренне надеясь, что это хоть немного ее успокоит.

– Не переживай. Я буду осторожен.

Я почувствовал, как дрогнули ее руки, но внешне она осталась спокойной, как положено хорошей жене и матери.

– Я составила список, он на комод. Пожалуйста, Перри,

не задерживайся. Если в магазине чего-то не будет, то возвращайся и даже не думай идти в другой квартал. – Пожалуй, сейчас я услышал голос моей прежней матери, строгой и решительной женщины, послушаться которую себе дороже.

– Хорошо, мам. Я сразу же вернусь домой.

Мой ответ оставил ее довольной. Я подошел к комоду, взял список и пару бумажных купюр.

– Сразу домой.

– Да, мам. Я понял.

Покинув комнату матери, я ощутил, как меня переполняет чувство важности. В отсутствие отца я оставался единственным мужчиной в доме, а значит, был в ответе за мать и сестер.

Я вернулся в свою комнату, достал из шкафа бежевое драповое пальто, которое прочило мне славу главного университетского модника этой осенью, но так и не сыграло свою роль. Оделся и повязал на шею шарф, убрал список и деньги в карман, оглядел комнату и пустой письменный стол. С полка, где раньше находилась моя коллекция пластинок этюдов Мерасси, новые произведения Клары Оконэл и записи некоторых симфоний Гавреди, были убраны и большинство книг, и статуэтки из материкового фарфора, которые приносил отец с работы. На дне массивного платяного шкафа спала скрипка в футляре из кленового дерева. Я не имел ни малейшего понятия, когда смогу возобновить занятия музыкой, поэтому убрал инструмент с глаз долой. От прежней

жизни, полной надежд на успешное будущее, ничего не осталось.

В коридоре у входной двери меня ждали мама и сестры. Габриэлла поджала губы и молча смотрела, как я обуваюсь в осенние туфли. Восьмилетняя Кимберли держала мать за руку и выглядела скорее сонной, чем напуганной. Ее карамельного цвета волосы смешно растрепались, и мама пригладила их ласковым жестом.

– Не задерживайся и будь осторожен, – еще раз повторила мама.

Я кивнул в ответ, поборов желание обнять их. Сказал, что скоро вернусь, и вышел из квартиры.

Тогда я видел их в последний раз.

В подъезде на этаже свет горел лишь в конце коридора, привлекая и пугая одновременно. Мне не хотелось смотреть на дверь квартиры под этой лампочкой, потому что в голове все еще слышались крики ее жильцов.

Я поднял воротник пальто и быстро побежал вниз по ступенькам, перепрыгивая сразу несколько. Вырвавшись под бесконечный хоровод ноябрьских снежинок, я сглотнул неприятно вязкую слюну, глубоко вдохнул полной грудью влажный холодный воздух и огляделся по сторонам, пытаясь понять, как лучше пройти к магазину.

Снег еще не успели расчистить на нашей улице. Он лип к туфлям, и очень скоро ноги начали замерзать. Я старался все время смотреть на дорогу перед собой, но голова то и дело поднималась, руки сжимались в кулаки до белеющих костяшек, а сердце колотилось так сильно, что я боялся, как бы на этот звук не сбежалась вся стража города.

Улица Старых Кипарисов, знакомая с детства, всегда была чистой и уютной. По обеим сторонам дороги стояли многоквартирные трехэтажные дома, в которых жили старые и новые аристократы, поэтому наш район считался богатым и престижным. Летом улицу украшали клумбы с бархатцами и петуньями, за цветами ухаживали городские службы, зимой они же развешивали гирлянды и дорогие новогодние украшения из цветного стекла. Конечно, не Императорский район, но тоже очень красиво. А поскольку положение проживающих здесь семей было не столь высоким, как в более привилегированных районах, то улицы журчали детскими головами.

В прошлой, обычной жизни в это время уже начинали украшать город к празднованию Нового года. Каждый раз администрация закупала у Университета очередные изобретения, наполненные Гармонией⁶. Например, в минувшем году по парку, что находился в конце Кленовой улицы, бродили механические олени. Их рога и глаза сияли небесно-голубым светом. Страшно даже подумать, в какую сумму обошлись

⁶ См. Компендиум.

подобные механизмы городу, но жителям нравилось... До случая с Черным волком на летнем Фестивале Сказок, о котором писали все газеты вплоть до недавних событий. Тогда машина вышла из строя, волк понесся в толпу и сбил несколько человек, среди которых было трое детей.

Я снова увлекся. Мысли о прошлом заставляли сердце ныть от тоски, ведь всего этого больше не было и не будет.

Сейчас наша улица тонула в сумеречной круговерти беспощадных снежинок, в домах почти не горел свет, никто не спешил украшать окна и входы в подъезды. Все затаились, спрятались или... умерли.

Я знаю, что наши улицы пострадали еще не так сильно, как другие районы аристократов, но все равно было страшно. Многих, с кем была знакома наша семья, уже нет. Кого-то забрала полиция, кого-то убивали на месте без суда и следствия, а кому-то посчастливилось сбежать. Те, кто остался, жили в клетках квартир, ожидая решения своей участи.

Мы не успели уехать. Сначала отец думал, что все утрясется, что сил Императора хватит, чтобы справиться со вторжением, а когда стало ясно, что наш мир навсегда изменился, было уже поздно. Все въезды, выезды на улицах и порты перекрыла императорская армия, не разрешая жителям покидать свои кварталы до дальнейших распоряжений.

Новая императорская армия...

Звук выстрела оглушительно пронесся между зданиями, заставив меня вздрогнуть, ускорить шаг и отступить в тень

ближе к домам. Его эхо взметнулось вверх, отскакивая от стен и исчезая в темном небе, затянутом снежными тучами.

Магазин, куда мне нужно было добраться, располагался в конце улицы за углом. На счастье, по пути на меня не вышел ни один городской патруль. Прислушиваясь, я почти добрался до нужного места, готовый облегченно выдохнуть и купить все, что велела мать.

Завернув за угол и пройдя немного, я остановился у двухэтажного здания. Поднял голову, замер на месте. Вместо света в витрине меня ждали закрытые ставни. Табличка с названием «Лавка Уолша» покачивалась на холодном ветру. Я подошел к двери, заколоченной досками, и несколько секунд пытался прочесть расплывшиеся от влаги буквы. Хотя, возможно, виной всему была не непогода, а шок, из-за которого все плыло перед глазами.

«Закрыто именем Императора Морвина».

Безжалостный ветер трепал края листовки. Шелестящий звук напоминал трепет крыльев умирающей птицы, вот так гвоздем прибитой к деревянной доске.

Я не знал, что делать.

Вернуться домой с пустыми руками? Но ведь там мать и сестры ждут еду, которая позволит еще несколько дней сидеть в квартире, не высываясь, в безопасности.

Если пройти пару кварталов, то можно попасть в бакалейную лавку, самый большой магазин нашего района. Рискнуть, надеясь, что его не закрыли? Если патруль поймают ме-

ня, то все закончится очень плохо. Но одна только мысль о семье не давала вернуться домой ни с чем.

Поглубже спрятав лицо в шарф, я пошел дальше по улице и через какое-то время свернул в узкий проулок. Очень кстати, потому что позади послышались шаги и голоса стражников. Немного постояв в тени и убедившись, что они идут не за мной и не собираются проверять проулок, я направился дальше.

Эти улочки и дворы запомнились мне еще с детства. Мы часто бегали тут с друзьями и ходили друг к другу в гости. Это был наш маленький мир, так что, несмотря на социальный статус и воспитание, мы успели изучить все подворотни и лазы.

Вот двор, где жил мой одноклассник Фред Коллер. Его отец был начинающим банкиром, и очень скоро его семья перебралась в Императорский квартал. Я не знал, кто живет там теперь, но свет в доме не горел, и это тревожило.

Окна на втором этаже соседнего дома были разбиты. Нильсон Оук, мой друг по музыкальному классу, жил именно там. Последний раз мы виделись на летних каникулах. Я надеялся, что с ним и его семьей не случилось того, что с моими соседями, и они смогли уехать из города.

Искать глазами знакомые окна было страшно. Но взгляд вновь и вновь скользил по домам в поисках огоньков-надежд. Сейчас свет означал жизнь.

Оставив позади детские воспоминания, я вновь оказался

в переулке, где пахло мочой и сыростью. Нужно было пройти насквозь и незаметно пересечь большую улицу, пройти еще немного, затеряться во дворах и выйти к другому кварталу. Разумеется, звучало это гораздо проще, чем было на самом деле. Перед большой улицей я выглянул из темноты и тут же нырнул обратно.

По дороге ехала конная группа, и не нужно быть особо умным, чтобы узнать в них Карателей⁷. Их сопровождали пятеро стражей в красно-белой форме и двое в синих мундирах – императорская полиция. Они, как все прочие, тоже предали бывшего правителя. Также я насчитал четверых в длинных черных балахонах. Неразбирающийся человек, например с Материка, легко мог принять их за Жрецов Гармонии: длинные мантии с глубокими капюшонами, скрывающими лица, и пояса, по цвету которых определялась принадлежность к определенному Поток. И только жители Сонерии без труда замечали обман. Вместо традиционного оттенка очищенных сапфиров ткань отливала черным агатом, а пояса были угольного цвета – цвета черной энергии, энергии Смерти. Теперь же под ними могли прятаться совсем не люди... или не совсем люди. До переворота Каратели были частью Ордена Эстетиков, отслеживающих использование темной стороны Гармонии. Уже после они присягнули на верность новому Императору и стали настоящим ужасом для всех.

Я вжался в стену и старался даже не дышать. Если они

⁷ См. Компендиум, раздел «Гармония».

увидят меня здесь, то всю нашу семью ждет страшная участь. Однако Карателям не было дела до того, что происходит в проулках. Они ехали к очередной цели.

Я дождался, пока топот копыт совсем стихнет, выглянул из-за угла и, убедившись, что никого больше нет, быстро перебежал на противоположную сторону улицы. Пока все шло довольно неплохо. Патрули, видимо, обходили другие части района, так что я без труда преодолел остаток пути, и в конце меня ждало вознаграждение: бакалейный магазин был открыт.

Я все еще осторожничал. Там могла быть стража, которая проверяла документы у посетителей, но обошлось: перед входом никого не было. Через большие панорамные окна внутри магазина я также не увидел стражи. Это показалось мне странным, но все-таки играло на руку.

Открыв дверь и немного вздрогнув от звона колокольчика, я прошел внутрь. Тепло магазина после уличного холода приятно окутывало полное напряжения тело, лицо запекло. В центре помещения были свалены стопкой мешки с мукой, кое-где просыпанной и забившейся в щели между досками. Со стороны кассы на полках теснились керосиновые лампы, коробки со спичками, тарелки, медные кружки и стаканы из толстого стекла. Под столешницей битком стояли ящики с консервами, крупами, которые такими же стройными рядами занимали стеллажи. Я удивленно огляделся, поскольку ожидал, что магазин будет полупустым, но здесь имелось да-

же копченое мясо и бумажные пакетики с фасованными сухофруктами. Конечно, в былые времена разнообразие товаров и рядом не стояло с тем, что было сейчас, но количество всего внушало покой и некую стабильность.

У кассы стояли две женщины, нервно комкающие уже изрядно смятые списки в руках, и один мужчина в просторном пальто, сшитом идеально по размеру. Пуговицы не выглядели слишком вычурными, как предполагалось для этой модели, но даже так я сумел определить, что и они, и сама ткань пальто стоили недешево. Возможно, это аристократ, который, как и я, пришел за едой для семьи.

Увидев меня, трое работников магазина отвлеклись, но не найдя во мне ничего опасного, вернулись к делам. Оглядевшись внимательнее, я все-таки заметил, что два отдела из пяти были закрыты, а их полки смотрели удручающей пустотой. Женщины у кассы говорили тише, чем обычно, да и продавец все время поглядывал на улицу, вероятно, опасаясь нежеланных посетителей.

Заняв очередь за мужчиной в дорогом пальто, я принялся рассматривать полки, но чем больше проходило времени, тем опаснее казалась вся эта авантюра. В любую секунду сюда могли войти стражники. Место было для меня абсолютно незнакомым с тех пор, как Теола оказалась захвачена, и можно было ожидать чего угодно. Я перевел взгляд на дверь и не сводил с нее глаз, пока не подошла моя очередь.

– Чем могу помочь, сэр?

Замешкавшись, я достал листок из кармана и протянул ему. Мужчина с уставшими серыми глазами и трехдневной щетиной полминуты изучал мой список, что-то прикидывал в уме, а потом посмотрел на меня:

– Ни разу не видел вас в нашем районе. – От его пристального взгляда мне стало совсем не по себе.

– Слуги только сегодня не пришли, а продукты кончились, – не соврал я, оттого голос звучал уверенно.

– Луис, не привязывайся к парню. Ты половины посетителей раньше не видел. – Из-за прилавка поднялся крупный мужчина с круглым лицом. На нем была рабочая рубаша и когда-то бывший белым фартук.

– Не хочу, чтобы нас вздернули за то, что продаем продукты жителям других кварталов, – пробурчал в ответ продавец, но дальше тему развивать не стал. – Из того, что тут написано, я могу собрать половину, остальное не знаю, когда поставят. Может, уже не в этой жизни.

Я посчитал деньги. Имевшейся суммы едва хватило. Если бы здесь было все из списка, то я не смог бы это себе позволить. Цены взлетели до небес, но выбора не было, поэтому я отдал все деньги и стал ждать, пока соберут мой заказ. Насколько нам этого хватит? Где потом брать продукты? Каждый раз приходить сюда очень опасно. Я надеялся, что отец вернется и найдет решение.

Забрав довольно тяжелый пакет, я вышел в пустой вечерний город. Ноябрьские дни пролетали быстро, поэтому уже

начало темнеть, хотя выходил я засветло. Снегопад усилился, и теперь все вокруг напоминало смешение синих оттенков и белого мельтешения тут и там. В свете редких фонарей снег напоминал назойливых насекомых, выющихся над цветами. Оглядевшись в поисках патруля и никого не увидев, я быстрым шагом отправился домой той же дорогой.

Обратный путь оказался легче, без происшествий, поэтому уверенности во мне прибавилось. Я готов был совершить еще пару вылазок, если понадобится.

Скоро я оказался у заколоченного магазина. Вывеска «Лавка Уолша» все так же поскрипывала на металлических цепях, хотя липкий снег старательно забивал пространства звеньев.

Громкий звук, хлопок и крики, внезапно раздавшиеся со стороны улицы Старых Кипарисов, где стоял наш дом, заставили сердце подскочить к самому горлу и сжаться, а затем колотиться так быстро, что стало больно дышать. Я крепче сжал пакет, замешкавшись на мгновение, но решительно повернул за угол и тут же остановился как вкопанный. Впереди, посреди нечищенной улицы, стояли лошади, беспокойно топчась по свежему снегу и всхрапывая. Из подъезда вышли двое стражников в красно-белой форме и направились к животным.

Этот дом... Я думал, что ошибся, что мне просто показалось, ведь из-за валившего снега мало что было видно. Непогода и сумерки обратились против меня. Я перешел на дру-

гую сторону дороги, оставаясь при этом незамеченным, и направился вперед. Только сейчас я понял, как сильно замерзли ноги в туфлях и руки без перчаток, сжимающие бумажный пакет, а может, тело просто не хотело меня слушаться. Чем ближе я подходил к дому, тем больше затуманивался мой разум от страха и осознания неизбежного.

Один. Два. Три. Один. Два. Три.

Окна дома пестрили черными провалами, сливались в немыслимый калейдоскоп в круговерти снежинок, сверкающих острыми гранями. Где-то на периферии зрения маячили яркие мундиры стражников, будто кровавые пятна на снегу.

– Один, два, три, – прошептал я, считая этажи.

Только бы все это было неправдой.

Наконец, идти вперед больше не было нужды, и я остановился, словно парализованный. Я видел и хотел ослепнуть одновременно.

– Один, два... – беззвучно шептал я, а может, кричал. В тот момент я уже ничего не осознавал наверняка.

Второй этаж. Это был второй этаж.

Окна нашей квартиры были охвачены огнем, который разбил стекла и вырывался в стужу ноябрьского вечера оранжевыми языками. Послышался приглушенный выстрел, затем сразу же второй. В тот момент внутри все оборвалось. Ло-

шади у входа нервно ржали и грозились ринуться с места. Двое стражников пытались их успокоить.

Через минуту, а может, вечность, из подъезда вышли люди в синих мундирах, а следом двое в черных мантиях, и один из них нес тело... Увиденное расплывалось у меня перед глазами, наверное, я плакал, потому что щеки покалывало маленькими иголочками. Сердце исступленно стучало, к горлу подступил то ли крик, то ли всхлип, то ли просто легкие отказывались качать кислород.

Один из Карателей нес Габриэлу. Я узнал ее платье и золотые кудри, которые еще час назад были туго собраны в пучок, а теперь трепались на сильном ветру в такт шагов несущего. Сейчас ее волосы были в крови. Сначала я подумал, что она могла быть без сознания, что ее повезут в полицейский участок, цеплялся за любую мелочь, лишь бы не верить в очевидное. Человек в черной мантии подошел к лошади и перекинул Габриэлу через седло, заставив животное заржать и дернуться вперед.

Вот тогда я увидел, что правая часть головы сестры сильно повреждена, и оттуда текла кровь и что-то...

К горлу подступила тошнота, желудок яростно запротестовал, и я еле удержался, чтобы не согнуться пополам и не оставить его содержимое на тротуаре. Мои руки стали ватными, пальцы разжались, и пакет с продуктами рухнул в снег перед ногами. Из него выкатились консервы с копченой сельдью, оставляя за собой борозды, и рассыпались вяленые яб-

локи.

– Эй ты! – закричал тот, кто нес мою сестру. – Именем Императора! Стой на месте!

Его крик переполошил остальных Карателей. Их взоры мгновенно устремились на меня. Стражники и полицейские выхватили оружие, а я наконец очнулся и рванул в ближайший проулок. Позади раздались выстрелы и треск протаранившей стену пули, но я не стал оборачиваться. Боль, страх и неверие в произошедшее – все приглушил сильнейший инстинкт выживания. И даже если из-за случившегося я не мог думать, подсознание гнало меня дальше и дальше от дома. То, что я хорошо знал эти улицы, играло мне на руку. Я мог пробежать путями, о которых не ведали Каратели, мог местами срезать. Где-то в глубине души мне было все равно, поймают меня или нет. Я не хотел сдаваться им на радость и, если бы пришлось, дрался бы до последнего голыми руками. Мне отчаянно хотелось их смерти.

Туфли скользили по снегу, и несколько раз я чуть не приземлился на пятую точку, на шарфе застыли капли моего дыхания, руки ломило и жгло от бурлящей, разогретой адреналином крови. Я думал, что выдохнусь, что вот-вот просто упаду, не в силах продолжить побег. Теперь я понимаю, что в смертельной ситуации люди способны на очень многое.

Так что я бежал. Бежал несмотря на то, что улицы, дома и снег превратились в сплошное размытое пятно. Бежал, даже когда к Карателям присоединились другие патрули, среаги-

ровавшие на шумиху. Я не останавливался, даже когда перестал узнавать улицы, а горло буквально сдавило от холодного воздуха. Мне казалось, что еще один шаг, вдох — и легкие просто разорвутся от бесконечной гонки.

В одном из переулков я не увидел припорошенный снегом участок льда, охнул, и пейзаж вечерних крыш с кусочком серого неба предстал перед моими глазами. Я ударился спиной о лед, и из меня тут же выбило весь воздух. Понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Я поднялся на ноги и, будто посетитель «Веселого лодочника», добрел до внутреннего двора, где посередине был свален какой-то хлам. Я обернулся в ту сторону, откуда пришел, но не слышал звуков погони. Возможно, они все-таки меня потеряли, но я не хотел обнадеживать себя понапрасну, поэтому бежать дальше тоже не стал.

Приблизившись к рухляди посреди двора, я почувствовал запах отсыревшего горелого дерева. Среди темноты вечера виднелись лишь едва уловимые очертания сгоревшей мебели, картинных рам, тряпок и книг. Я заметил несколько детских игрушек, страшно оплавленное лицо куклы и разломанный мольберт. Десяток чьих-то жизней свален в кучу и уничтожен, как что-то никчемное и бесполезное.

Я обошел свалку и обнаружил вход в подвал, у которого стояли деревянные ящики и лежали инструменты. Возможно, здесь был чей-то склад, но, судя по тому, что дом выглядел заброшенным, сейчас тут вряд ли кто-нибудь был.

Решетчатая дверь подвала оказалась не заперта, поэтому я нырнул внутрь, сделал всего пару шагов в темноту, закрыл за собой дверь и принялся ждать. Где-то за домами слышались крики и снова раздалось несколько выстрелов. Я вжался в стену, боясь дышать и даже думать. Если Каратели придут в этот двор, то бежать будет некуда. Я вытер лицо рукавом пальто, но оно стало еще мокрее прежнего.

Эта передышка вернула меня к реальности. Они мертвы. Мать и сестры умерли, убиты. Успел ли попасть домой отец? Жив ли он? Что теперь делать? Куда идти? В Теоле не осталось никаких родственников, до которых я мог бы добратся. Бабушка и дедушка жили на Материке, я видел их всего однажды, когда был совсем маленьким. Родителей отца не было в живых уже шесть лет.

Судорожное дыхание сдавило горло, в носу защипало, но я сделал глубокий рваный вдох, стараясь успокоиться. Голова казалась непомерно пустой и перегруженной одновременно.

Внезапно во дворе послышались шаги. Они эхом отдавались от стен в арке проулка, после чего под чьей-то обувью захрустел снег. Я замер, боясь шелохнуться, и пристально следил за темным силуэтом свалки через металлические решетки двери. Снег медленно падал, беззвучно оседая на уже сером насте, иногда мелькали желтоватые отсветы принесенного Карателями фонаря. К первым шагам присоединились вторые. Треснула деревяшка.

– Чернота заberi, – зло проговорил мужской голос.

– Думаешь, он пошел сюда? – спросил другой.

– Скорее всего. Ищейка показал сюда. – Первый шел по двору, и я слышал осторожные шаги.

– Эти способности то и дело сбиваются, сам знаешь, – продолжил второй. – Зачем ему загонять себя в ловушку? Он наверняка побежал к Нижнему Городу. Думает спрятаться на причале. Они все туда бегут.

– Я уже отправил туда остальных, а мы пока проверим тут. – В первом голосе появилось раздражение. – А теперь заткнись. Из-за тебя я ничего не слышу.

Я не знал, что мне делать. От страха боялся даже пошевелиться. Уйти глубже в подвал? Наверняка в такой темноте наткнусь на что-нибудь, и они услышат. Убежать тоже не смог бы. Поэтому решил стоять и молиться Сонерису, чтобы они ушли.

– Может, проверим дома? – спросил второй.

– погоди. Лучше так, – ответил первый, а затем закричал на весь двор: – Эй, парень! Хватит бегать! Никто не собирается тебя убивать. Выходи, мы отвезем тебя к отцу!

Его голос гремел так громко посреди темноты нежилых зданий. Я не верил ни единому слову, но одно понял наверняка: отец домой не возвращался и, возможно, жив. А еще они знают о нем.

Об остальном подумать не успел, потому что из темноты чья-то рука обхватила мой рот, а в спину врезалось дуло, ка-

жется, револьвера. Я дернулся, замычал, но оружие чувствительно ткнулось под ребра, а на ухо зашептал мужской голос: – Стой очень тихо.

Я замер, подчинившись. Во всем этом безумии я даже не услышал, что в подвале был кто-то кроме меня.

Каратели продолжали поиски на улице:

– Выходи, парень! – снова крикнул первый. – Не бойся!

Каратель так же, как я до этого, обошел завал, и я увидел его. Тот, кто держал меня, – тоже. Его рука напряглась на моих губах, а револьвер еще более уперся в спину.

– Тш-ш-ш, – прозвучал шепот у самого уха.

По движениям Карателя было видно, что чувствует он себя уверенно. В его руках не было оружия, и я не видел, чтобы оно вообще было при нем. Черная мантия скрывала фигуру, лицо – глубокий капюшон. Но потом он поднял руки в темных перчатках и ловким движением скинул его с головы.

Мне оставалось лишь молча удивиться. Каратель был молод. Едва ли старше меня. С левой стороны темные волосы коротко обриты, с правой остались длинными, спускаясь почти до плеча. Наверное, в таком свете даже монахини Аббатства Гармонии показались бы мне злобными тварями, но лицо Карателя и без того выглядело жестким, а взгляд – сосредоточенным. Стоило ему повернуться еще немного, посмотреть в нашу сторону и пойти проверить решетчатую дверь, все было бы кончено.

Однако Каратель был либо глупый, либо ленивый. Он

осмотрелся, прислушался, не обратив на подвал внимания, и пошел обратно.

Снова послышался треск ломающейся древесины и шаги тяжелых сапог.

– Не похоже, чтобы в дом кто-то заходил, – вынес вердикт второй. – Там перекрытия рухнули и ничего не видно.

– Ц-ц, – разочарованно цыкнул первый. – Хорошо, пойдем догонять наших.

Шаги удалялись, и на двор снова опустилась холодная тягучая тишина. Я тяжело дышал, хватая жалкие крохи воздуха, поступающие сквозь руку держащего меня человека. Вероятно, он ждал, опасаясь, что Каратели вернутся, и мы оба прислушивались к звукам города.

– Сейчас я отпущу тебя, но давай без глупостей. Договорились? – спросил он, и я кивнул под его рукой.

Мужчина отпустил меня, и я наконец мог свободно дышать. Оружие больше не упиралось под ребра, но я все еще ощущал болезненный укол. Развернулся и увидел мимолетный отблеск дула револьвера, который был направлен на меня.

– Кто ты? На чьей стороне? Почему *эти* гнались за тобой?

Три вопроса, от которых, пожалуй, зависела моя жизнь, прозвучали жестко, отточенно, будто мужчина задавал их не первый раз. Из-за темноты я так и не мог разглядеть его внешность.

– Они... Я... Я возвращался домой. Ходил за продукта-

ми, потому что... – Слова путались и никак не желали связываться в предложения. – Они убили мою семью, и я... убежал.

– На какой улице ты жил?

– Старых Кипарисов.

– Аристократ? – В его словах не было злобы. Это немного обнадеживало.

– Д-да, – неуверенно ответил я, ожидая выстрела, но его не последовало.

– Выходи на улицу. Шевелись.

Он ткнул револьвером в сторону двери, и я снова увидел отблеск стали. Повернувшись, я поднялся на пару ступеней, открыл решетку и выбрался наружу. Следом за мной вышел незнакомец, и я наконец смог его рассмотреть. Высокий мужчина в удлиненной темно-синей рабочей куртке с меховым воротником. На его голове была простая черная вязаная шапка с отворотом, а половину лица скрывал намотанный до самых глаз шарф. Типичный житель квартала Рабочих, как-то оказавшийся в Верхнем Городе. Дуло револьвера все еще было направлено на меня, и я ждал приговора.

– Есть куда пойти? – спросил он.

– Не уверен.

– Родственники есть?

– Нет. – Я мотнул головой, глядя в жесткие глаза мужчины. Из-за шарфа я не мог видеть эмоций на его лице.

Мне показалось, что он ухмыльнулся, потому что его го-

лова немного наклонилась в сторону.

– Надо думать, новую власть ты не одобряешь?

Перед глазами вспыхнула картина изуродованной головы Габриэллы, из которой текла кровь. Кулаки сжались сами собой. Я стиснул челюсти и подумал, мужчина слышал, как скрипнули зубы.

– Нет, – процедил я через силу, чтобы не сорваться от бес-
сильной ярости.

Я буравил взглядом незнакомца, ожидая, когда он все-таки застрелит меня. Но он опустил револьвер, а другой рукой стянул шарф, и я увидел лицо мужчины средних лет, заросшее темной щетиной. Только сейчас стало заметно, какого чистого, светлого голубого оттенка его глаза, обрамленные густыми темными ресницами. Они напоминали две льдинки, плавающие в морской воде. Небольшая горбинка на его носу была явно неестественного происхождения, но ни она, ни рабочая одежда не смогли отогнать от меня ощущение, что лицо незнакомца слишком благородно.

– Что ж, тогда, возможно, у нас много общего. – Он пере-
бросил револьвер в левую руку, а правую протянул для рукопожатия.

Я, конечно, оторопел, но ответил ему. Если мои руки и тряслись, как ветки осины в ветреный день, то он ничего не сказал.

– Стюарт Келли.

– Перегрин Уайтстар, – ответил я. – Просто Перри.

– Что ж, Перри... Если хочешь что-то со всем этим сделать, – Стюарт развел руки в стороны, показывая на окружающую действительность, – то у нас найдется для тебя работа.

– У нас? – уточнил я.

– Если ты согласен, то я расскажу и покажу.

Я почти не раздумывал. Разве у меня был какой-то выбор? Идти было некуда, и я жаждал мести за семью больше, чем чего-либо на этом свете. Только без денег и крыши над головой, что я мог сделать? У меня была лишь моя теперь уже жалкая жизнь и душа, но кому они были нужны?

– Я согласен.

– Отлично, парень, – дружелюбно улыбнулся Стюарт. – Тогда давай заберем сумки из подвала, и я тебе все покажу.

Глава 3

Transitus ad alteram vitam⁸

На Теолу опустилась ночь. Опасная, холодная, злая, она не давала укрыться тем, кто хотел спрятаться, не помогала тем, кто бежал от новой действительности, не позволяла почувствовать себя в безопасности. Ночь помогала Карателям и тем, кого изменила черная энергия. Не зря же заговорщики напали на Императорский дворец ночью. Не потому, что в это время все спят, а потому, что тьма порождает тьму и насыщает ее силой.

⁸ Переход в другую жизнь (*лат.*).

Улицы кварталов Верхнего Города, где раньше беззаботно жили богатые граждане и аристократы, молчали, погребенные под серым снегом. Фонари горели не везде. Желтыми квадратами на фасадах домов светились окна, показывая, что там кто-то еще жил и ждал.

По широкой улице мы шли недолго, боясь натолкнуться на патруль. По расчетам Стюарта, они должны были обходить квартал с другой стороны, но мы оба были согласны в одном: рисковать не стоило.

Я нес тяжелую сумку, полную еды и нужных мелочей. Со слов моего нового знакомого, в том подвале находился склад продуктовой лавки, которая закрылась около недели назад. Я пытался расспросить о том, куда мы идем и кто те люди, про которых он рассказывал, но мужчина попросил проявить терпение, и остальную часть пути мы молчали.

После пережитого адреналин все еще бурлил в крови, постепенно остывая. Мне казалось, что я иду во сне. Заблудился и не могу проснуться. Реальность пока не обрушилась на мою голову, поэтому я шел рядом со Стюартом Келли и нес часть его добычи.

Несколько раз мы останавливались и пережидали, пока стражи пройдут улицу. Мы слышали, как они говорили о том, что замерзли, что хотят вернуться в казармы и пожрать, — о совершенно обыденных вещах, будто ничего в мире не случилось, а это их типичная рабочая смена.

Я посмотрел на Стюарта, пытаюсь понять, что он об этом

думает. Под шарфом, которым он снова прикрылся, невозможно было различить эмоций, только голубые глаза оставались хмурыми и серьезными.

— Пошли, — сказал он, выждав удобный момент, и мы двинулись дальше.

Признаться, я был уверен, что мы пойдем в кварталы Нижнего Города, где жили преимущественно рабочие, но все дальше и дальше продвигались в район Аристократов, пока не вышли к Искристому парку. Несмотря на то что он располагался на границе Золотого и Императорского районов, место пользовалось дурной репутацией. В самой глубине парка стояла заброшенная школа фехтования, которую закрыли после нескольких случаев самоубийств учеников. Позже ее перенесли на территорию Теольского университета науки и Гармонии, где я, собственно, тоже учился и даже посещал эту школу до недавних событий.

Через несколько лет после самоубийств газеты снова привлекали внимание к Искристому парку. Городские власти вложили очень много денег, разбив тут красивый сад и оранжерею, создали удивительный живой лабиринт и построили поражающие своей архитектурой беседки, фонтаны и зоны отдыха. Однако красота парка привлекла не только богатых жителей двух районов. В лабиринтах легко было спрятаться и быстро скрыться, поэтому все чаще в газетах появлялись статьи об ограблениях. Преступники без труда заставляли врасплох своих жертв, привыкших к безопасности приви-

легированных районов. Они отбирали драгоценности, деньги и исчезали.

Охрану парка усилили, но это мало помогло. Воры и преступники знали, как обойти стражу, а самые смелые оставляли блюстителям порядка насмешливые послания.

Но ограбления были не последней каплей, почему парки закрыли. «Садовник» – так его прозвали газетчики. Тот, кто наводил страх на женщин этих районов в течение полугода и на счету которого тринадцать изнасилованных и убитых. Его жертвами становились и молодые девушки, и дамы в возрасте, а на их телах он оставлял увядшие розы. Дело получило широкую огласку, в рядах полиции полетело немало голов, и к расследованию подключили даже Эстетиков. Император лично разжаловал главу полиции, потому что тот оказался глупее журналистов, которые раскрыли дело еще в тот момент, когда окрестили маньяка Садовником. Им действительно оказался работник парка, который несколько лет заботливо ухаживал за растениями и не вызывал никаких подозрений у полицейских.

После этой истории Искристый парк закрыли и хотели на его месте построить Аббатство Гармонии. Мне в тот год исполнилось пятнадцать, но с того времени денег на расчистку территории и строительство так и не нашлось.

– Перри, – Стюарт коснулся моего предплечья, – не спи. Мы почти пришли.

Я вынырнул из воспоминаний в темноту ночи.

Когда мужчина протиснулся между коваными воротами, скованными тяжелой железной цепью, я недоверчиво посмотрел на него, не решаясь пойти следом.

– Давай, – позвал он, протянув руку за сумкой с продуктами. – Ты чего встал?

– Но это же Искристый парк, – ответил я.

Теперь вся затея не казалась мне такой уж хорошей. Стюарт мог быть одним из преступников, орудовавших здесь когда-то. Они прекрасно знали парк, все входы и выходы. Может, он вовсе не нашел эти продукты, а убил хозяина и украл. С чего я вообще так быстро ему поверил? Потому, что был в шоке, или потому, что он наставил на меня револьвер?

– Да. Сейчас это самое безопасное место в Теоле, – быстро сказал Стюарт, явно нервничая.

– Я... даже не знаю, – никак не мог решиться я.

– Думай быстрее. Патруль скоро пройдет здесь, и я не хочу, чтобы меня увидели.

Наверное, если бы в его голосе я услышал разочарование или он бы настойчиво уговаривал меня пойти с ним, то я бы сбежал. Но он дал мне выбор, ни к чему не принуждая.

Я отдал ему сумку и протиснулся между створок ворот, решив пойти на этот риск. Стюарт похлопал меня по плечу и вернул сумку обратно.

– Я обещаю, ты скоро сам все увидишь.

Надо отдать должное, он обладал какой-то мистической силой убеждения, а может, дело было в моей обескураженно-

сти от сложившейся ситуации. Ошеломленный последними событиями, вымотанный и обессиленный, я позволял вести себя дальше, не находя сил сопротивляться. Даже врожденная осторожность отступила перед усталостью. Мне лишь хотелось, чтобы этот бесконечный день наконец остался позади.

– Хорошо. – Я закинул сумку на плечо, и мы оказались в заброшенном парке.

Не знаю, как это место выглядело днем, но ночью тут было жутко и спокойно одновременно. Бесконечные темные ленты кустарников бывшей живой изгороди, укрытые пологом снега, извивались куда-то в темноту. По нечищеным дорожкам было тяжело идти, но Стюарт вел меня именно по ним.

– Когда это все началось, – внезапно заговорил мужчина, – почему-то об этом месте никто не вспомнил. Все были заняты людьми, убийствами и новым порядком.

Я огляделся: снег тихо ложился на некогда фигурно подстриженные кусты барбариса, фонари не горели, лавочки вывезли после закрытия парка, навечно уснули мраморные фонтаны, каменные русалки с безразличием смотрели на нас мертвыми глазами.

Мы углублялись в парк, вошли в заснеженный лабиринт из туй. Здесь было особенно не по себе. Казалось, что в любую секунду из-за поворота может выскочить кто угодно.

– Вы живете там с семьей? – спросил я, думая о том, как зимой можно жить в парке под открытым небом.

– Ну, почти, – многозначительно ответил Стюарт.

Дальше шли молча. Шарф на лице моего нового знакомого шевелился, он что-то повторял себе под нос и смотрел вперед. Думаю, считал повороты, потому что заблудиться тут – раз плюнуть. Я и сам пытался что-то запомнить, но сбился и понял, что в одиночку давно бы заплутал. И вдруг то, о чем я подумал еще несколько минут назад, произошло.

Из-за поворота на нас вышел мужчина с карабином в руках. Он передернул затвор и направил ствол то на меня, то на Стюарта.

– Пароль, – скомандовал он.

Кажется, мужиков, наставляющих на меня оружие за этот вечер, было достаточно. Я думал, что мозг просто отупеет от стольких попыток найти верное решение. Между тем карабин в руках незнакомца дрогнул, он хотел было опустить оружие, но передумал.

– Пароль. Третий раз повторять не буду.

Стюарт стянул с лица шарф.

– Три банки фасоли, – сказал он, и мужик все-таки опустил дуло карабина в землю.

– Я, вообще-то, сразу тебя узнал, Стью. Но правила есть правила. – Незнакомец закинул оружие за спину, перевесив через плечо широкую лямку.

– Ты поступил правильно, Джо. – Стюарт подошел к нему, и они обменялись рукопожатиями.

– А это кто? – кивнул в мою сторону Джо.

– Знакомься, это Перегрин Уайтстар. Теперь он один из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.